

Сегодня - 1995 - 3 авг. - с. 10

Всадник без головы

Как Сергей Микаэлян докучал миру моралью строгой

Денис Горелов

В

сю свою жизнь режиссер Микаэлян снимал по-детски бессовестное кино. Оно обезоруживало чистой верой в добро, которому злые Негоры все время замышляют подсунуть в компас топор. Оно подкупало искренним, нерекламным сочувствием к человеку труда и страстью к использованию непрофессионалов: не боги, мол, горшки обжигают, а отставные брандмайоры с придиличками фабрики имени Лумумбы. Печка шибала натуральным жаром, и намекнуть, что никто как бы и не покушается на заветную скамью у ворот, было все равно что отнять у пионера книжку «Четвертая высота».

Началось все с «Принимая бой» (1963). Группа стилист с припухлыми губами Элвиса Пресли и Геннадия Шпаковского, ведомая прожженным синим гусаром, технократом и циником постарше, вихлявой походкой шарилась от коктейль-холла к таксомотору и смачно прожигала жизнь, попутно заманивая в ласковые сети молодого-неопытного ученика фрезеровщика в белой рубашке и брюках стрелочкой. Хотя, возможно, это был штукатур. Чтобы утвердить примат мнимых ценностей, плесень решает влюбить в одного из своих озорную бригадишу маляров, девушку с характером, комсомолку-спортсменку-стрекозу, а затем, поматросив, бросить. Но там, к их разочарованию, рождается обоюдное светлое советское чувство. Тогда стилисты в бессильной злобе забрасывают грязью малярскую доску почета, а попытавшийся воспрепятствовать этому ученик получает отвертку в открытое сердце. Начинался фильм закономерным итогом: поутру спешащие на работу граждане покупали в киосках газеты с шапкой: «Приговор приведен в исполнение». И поделом. Смерть поганым тунейцам и твистерам. Сегодня он танцует буги, а завтра зарежет фрезеровщика. Руки прочь. Заметив потерю бойца, ожившие доски почета карнали белых ворон тупыми машинками, гнали с волчьим билетом из институтов, без суда, решением домкомов высылали на сто первый километр, чему потом горячо аплодировал всегда неравнодушный «Московский комсомолец» - 64.

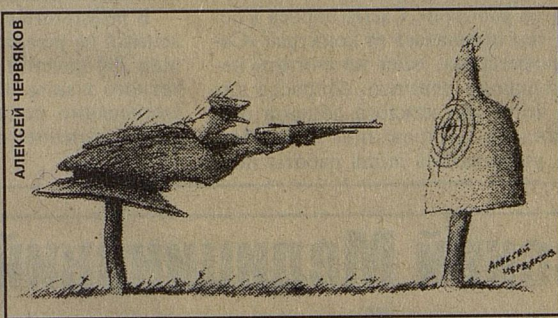
Взять да израсходовать первым догадался режиссер Сергей Микаэлян, с почином его великим. Большое было подспорье в борьбе с иноземной заразой.

При этом снято было чин-чинарем, по всем тогдашним правилам: в сцене на пруду за кадром разливаются молоточки ксилофона, а вода серебрится самым шестидесятилетним образом; когда же мальчика убивают, камера резко взмывает в синее небо, в котором облака, — разве что ветер не трепал зацепившуюся за голые ветви козынку. Впрочем, это уже реквизит женского кино, а у Микаэляна даже названия отродясь были brutальные: «Разборчивый жених», «Иду на грозу», «Сто солдат и две девушки». Маяковский просто какой-то. Светить — и никаких гвоздей.

В 1974-м набежала «Премия», «Двенадцать разгневанных мужчин» по-советски (по каковому случаю толклись промеж них и две женщины). Бригада Потапова бросает в лицо угнетателям премию, дабы все увидели, какой на стройке бардак, и услышали поступк рабочего класса. Имеющие уши раньше всего услышали залившую песню о встречном — про то, как атакующий класс учит припухшую инженерию Родину любить. Не говоря уж о том, что в отчаянно прогрессивном трудовом споре ясно просвечивала кондовая пролеткультовская антитеза «командир — комиссар», семьдесят лет оправдывавшая уродливое советское двуналичие. Нач стройки Батарцев ретроград, не видит

леса за деревьями и навязывает премию силой — секретарь парткома Соломатин прогрессист, понимает душу простого работяги и готов не выдавать премию никому и никогда. Первого играет бреноксец Самойлов, второго — душка Янковский: чья возьмет? Чтобы хоть немного притушить пропагандистский заряд, Микаэлян переименовал гелммановскую пьесу из бульжного «Заседания парткома» в нейтральную «Премия»; главный ретроград бухгалтер Исса Сулейманович Айзатуллин в целях бонтона стал Михаил Степановичем Шатуновым. За весь этот водевиль авторы сначала получили госпремию, а потом возглавили перестройку. Народу картина тоже понравилась. Согрело, что карбонария Потапова играл не вечный стахановец Кирилл Лавров, а свояк Евгений Леонов. А уж вечные смутьяны-итальянцы — те и вовсе прыгали до потолка и присудили фильму Гран-при в Авелино.

Взяв тайм-аут на милую городскую сказку о влюбленных по собственному желанию, Микаэлян уже в 1985-м опять возвращается в строй с масштабной постановкой «Рейс 222» по мотивам громкого бегства ныне покойного Александра Годунова в город желтого дьявола, а также попыток американ-

ской администрации вызвать из летящего в Россию самолета его законную супругу. Разумеется, в изложении доверчивого Микаэляна это выглядело как попытка спелслужб, пользуясь малодушием отщепенца, склонить к предательству Родины и его жену — светленькую девочку-снежинку из балета на льду (опустить героев до банальных мюзикхолльщиков было абсолютно необходимо: не могли же, в самом деле, принадлежать они к красе и гордости Страны Советов; хоккеист и космонавт в России больше, чем хоккеист и космонавт!). Все это, понятно, делалось ради демонстрации сомнительных преимуществ общества потребления. Каменные джунгли сладкими голосами сирен звали в бездну. Стриженный полечкой муж-иуда весь в джинсе и с лицом околкиношной шестерки (отдельный привет скандинавскому профилю Годунова) рыдал на пороге самолета, но все же предпочитал семье и Родине жвачку, стриптиз и гоночные машинки. Жена вместе со всем не склонившим голову самолетом гордо продолжалась три дня, пока их не выпустили домой. Правда, к моменту окончания съемок реальная жена, пользуясь перестройкой, давно дернула к мужу, но это никого не взволновало. Фильм получился выдержанным, замполиты строго объявляли прокрутить его по всем солдатским клубам дважды.

Жизнь дается человеку один раз, и мой герой прожил ее как надо, со светлой убежденностью латиноамериканского мучачо. Корчевал оппортунизм, громил бюрократию и канареек, углублял партийную дисциплину и строил, возделывал свою узкоколейку. Временами он даже расслаблялся от борьбы систем, садился на обочину и снимал что-нибудь задушевно-бытовое, но это были только краткие привалы у костра с двухрядкой. Снова на горизонте занимались пожарища, и снова шел он в поход, невидя на то, что все ровесники давным-давно уже крутили пальцем у виска. С безумством храбрых не обращал он внимания на некоторые бытовые нелепицы, и раз от раза картины его становились все фантастичнее, все болея от Алексея Толстого, чем от Николая Островского.

Наконец, в 1995-м, к юбилею Победы прозвучал в лесу прифронтовом «Французский вальс». Это была уже не заурядная тюлька, а цельное произведение человека, свалившегося к нам из созвездия Кассиопеи.

Начать лучше с середины, с парижского аэропорта, в котором седой ветеран Сопротивления жлет из Москвы свою боевую подругу, а дожидается ее внучку — точную копию бабушки, которую приходится в полной озадаченности везти домой. С этого момента фильм начинает смахивать на классическую комедию франсэз про старого юбочника, подснявшего на ночь малолетку и вынужденного плести нехоти вернувшейся жене что-то про внучку старой подружки по Сопротивлению, неожиданно прилетевшую из города-героя Москвы. По крайней мере, история, рассказанная в первой половине фильма, годится только на то, чтобы конопатить мозги доверчивым французским женам. Представьте: из концлагеря в Провансе бегут 37 русских девушек. Уже пикантно. По пути некоторые воруют в полях картошку, но командирша велит отнести назад, поскольку украдено у бедняков. Растроганные окрестные пейзажи наперебой приглашают их жить задарма к себе, но у девиц одно на уме — драться

с общим врагом — фашизмом. А местный отряд МАКИ, как назло, из мушкетерских соображений девочек к себе не берет. Им-то автомат подавай, а глупые французы зачем-то несут еду и бюстальтеры, презрев обещанную фашистами награду (немного зная французоз, замечу, что это самое неправдоподобное место в картине). Вскоре оба отряда — мужской и женский — на солнечной поляночке заводят па-де-де под патефон (хороша война в Провансе), а два командира под шумок сбавывают в кустах живого человечка, от которого в дальнейшем и происходит приехавшая в Париж нимфетка. Потом все хорошо, старый француз несется в Москву и обнимается с бабушкой, которую полюбил навсегда.

Так пришел конец войне миров, алой и белой розы.

Так сложили оружие последние фанатики боя — на нейтральнейшей из нейтральных, густо-розовой французской территории, в провинции, столетиями исповедовавшей масло вместо пушек, а также майонез. По привычке цепляясь ослабшими руками за последнюю бесспорную мишень — фашизм, — старый политработник Микаэлян все-таки заставил своих героев заниматься любовью, а не войной. Роги в землю, господа олени, я плачу сам. «Нормандия — Неман». «Эспас — Мир». Совместный экипаж. На юбилее Большой Дороги ветеран комсомола Павел Николаевич Корчагин торжественно лобзает склеротического атamana Орлика, после чего они сообща забивают праздничный золотой костыль в тающую вечную мерзлоту. Мир, согласие, ООН, ЕЭС. Борьба хорошего с лучшим.

Но разве может разрядка смутить настоящего моралиста?

Рано, рано еще самораспускаться старой гвардии, рано уходить на покой, выращивать ноготки с фуксиями! Пока есть хоть один урод в семье — не будет мира под оливами.

А урод есть.

Разъединенной дрянью на весь фильм (фашистов не было видно за кустами) оказывается та самая внучка, бесстыжая Красная Шапочка, задумавшая не только бросить Родину (опять двадцать пять!), но и готовая ради этого сожительствовать с родным французским дедушкой, который чуть было не согласился, потому что чего же еще ждаль от этих французов.

Справедливости ради стоит заметить, что девочку в финале не расстреливают, а только стыдят. Уже прогресс. Bravo, маэстро.

Добрейшей души человек. Мог ведь и шашкой рубануть.

199